

НАЙО МАРШ



Найо Марш (1895–1982) –
ярчайшая звезда «золотого века»
английского детектива,
автор 32 романов и множества пьес.
Ее имя стоит в одном ряду с такими
признанными классиками жанра,
как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс.
За свои литературные достижения
она была удостоена звания дамы-
командора ордена Британской
империи.



NGAIO
MARSH



.....

ARTISTS IN CRIME

.....

НАЙО МАРШ



.....
МАЭСТРО,
ВЫ – УБИЙЦА!
.....



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М30

Серия «Золотой век английского детектива»

Ngaio Marsh
ARTISTS IN CRIME

Перевод с английского А. Санина

Компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств

Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC.

Марш, Найо.

М30 Маэстро, вы — убийца! : [роман] / Найо Марш ; [перевод с английского А. Санина]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-135046-8

Инспектор Родерик Аллейн — аристократ, интеллектуал и лучший детектив Скотленд-Ярда — с первого взгляда заинтересовался художницей Агатой Трой. К сожалению, его встреча с этой остроумной женщиной состоялась при довольно неприятных обстоятельствах...

Во время мастер-класса Агаты в ее загородном доме убита натурщица, а главный подозреваемый, живописец и скульптор Гарсия, бесследно исчез. Однако не слишком ли очевидна эта версия? Чем дальше ведет расследование инспектор Аллейн, тем яснее ему становится — настоящим убийцей может быть каждый из гостей...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-135046-8

© Ngaio Marsh Ltd, 1938
© Перевод. А. Санин, 2010
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2021

Глава 1

ПРОЛОГ В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Облокотившись на леер, Аллейн смотрел на побуревший от времени морской причал, заполненный людьми. Через пару минут вся эта картина начнет отдаляться, постепенно расплываясь, а потом и вовсе превратится в смутные воспоминания. «Мы заходили в Суву». Аллейна вдруг охватило неодолимое желание навеки запечатлеть причал в своей памяти. Поначалу праздно, как бы между прочим, а затем с удивившим его волнением Аллейн принялся запоминать открывшуюся его взору картину. Всю до мелочей. Вот высоченный фиджиец с причудливо расцвеченной прической. Ну и волосищи — ослепительно-яркий фуксин в сочетании с ядовито-мышьяковой зеленью грозди свежесрезанных бананов. Поймав это дикое сочетание красок в силовик извилин своей памяти, Аллейн с фотографической точностью запечатлел его и перевел взгляд на темное лоснящееся лицо, на котором отражались голубоватые блики водной лазури, потом отметил крепкий торс, белоснежную набедренную повязку и могучие ноги. Его захватил азарт. Сколько он успеет запомнить, прежде чем корабль отчалит? И звуки — их он тоже должен увезти с собой: характерное шлепанье босых ступней, монотонный рокот голосов и обрывки песни, доносившейся от стайки девушек-аборигенок, столпившихся в отдалении на фоне россыпи кроваво-красных

кораллов. Нельзя забыть и запах — удивительный пряный аромат красного жасмина, кокосового масла и отсыревшего дерева. Аллейн расширил круг, включив в него индианку в кричаще-розовом сари, сидевшую на корточках в тени развесистого изумрудно-зеленого банана; мокрые крыши будок на пристани и покрытые лужами дорожки, которые веером расходились от причала и исчезали где-то в мангровых болотах и далеких горных грядах. А горы — ну разве можно забыть это чудо? Пурпурно-багряные у основания, перерезанные посередине неспешной процессией облаков, они упирались в торжественное и неподвижное небо фантастическими пиками, похожие на шпили средневековых рыцарских замков. Длинная гряда облаков, окаймленная темно-синей бахромой, в центре угрожающе темнела невыплеснутым дождем. Цвета — сочные и густые краски, причудливая палитра мокрой сепии, ядовитой зелени, кровавого фуксина и сочного индиго. Гортанные голоса фиджийцев — такие громкие, словно их издавали органные трубы, — сочно прорезывали пропитанный влагой воздух, который и сам, казалось, звенел и вибрировал.

И вдруг все словно померкло, краски стали тусклее. Корабль отчалил от пристани. Картина поблекла: скоро, канув в Лету, растворятся и голоса. Аллейн закрыл глаза и с удовлетворением убедился, что волшебная картина со всеми живыми красками и звуками полностью сохранилась в воображении. Когда он снова открыл их, корабль от пристани отделяла уже широкая полоса воды. Не желая больше смотреть на причал, Аллейн отвернулся.

— Господи, ну и зари-ища! — жеманно пропела красотка блондинка, как всегда, окруженная толпой поклонников. — Зуть! В этом городишке я похудела фунтов на десять. Кошмарная зара! Уф-ф!

6 Молодые люди громко захохотали.

— В Гонолулу жара еще сильнее, — поддразнил один из них.

— Может быть. Но все равно — не такая одуряющая, как здесь.

— Как-то в знойном Гонолулу пережарилась акула! — задорно выкрикнул кто-то.

— Эх, ребята! — воскликнула жеманница, кокетливо закатив глаза и крутя бедрами, будто в гавайском танце. — Потерпите, пока мы придем в мой добрый старый Лулу — вот уж когда повеселимся на славу. Ах, как мне нравятся эти наклейки на моих саквояжах! — Она заприметила Аллейна. — Ой, вы только посмотрите, кто к нам позаловал! Скорей же, зайчик, идите в нашу компашку.

Аллейн медленно приблизился. Не успели они отплыть из Окленда, как синеглазая красавица начала обхаживать его, пуская в ход все свое очарование. Каждый раз при его появлении в ее голосе появлялись теплые нотки. В глубине души Аллейн был польщен — как-никак за красавицей ухлестывало не менее дюжины молодых ухажеров. «Ох уж эти тщеславные сорокалетние мужчины», — вздыхал он про себя. Но блондинка была настолько привлекательна, что Аллейн не без удовольствия предвкушал легкий необременительный пароходный флирт.

— Вы только полюбуйтесь на него! — не унималась она. — Какой симпатяга, верно? Ах, как же ему к лицу эта английская чопорность! А глаза так и семафорят: дерзуйте от меня подальше! Открою вам секрет — эй, слушайте все! Этот мистер Аллейн — мой самый большой провал и позор. Я для него ровным счетом ничего не значу.

«Вот ведь привязалась, бестия», — подумал Аллейн, а вслух произнес:

— Я просто отчаянный трус, мисс Ван Маес.

— В каком это смысле? — подозрительно осведомилась она. Огромные глазищи засияли.

— Я... я сам не знаю, — поспешно ответил смутившийся Аллейн.

— Полундра, мы пересекаем барьерный риф! — выкрикнул один из юнцов.

Все посыпались к борту. Мелкие волны лениво накатывали на коралловые рифы, омывая их с двух сторон, словно ребра неведомого страшилища, а потом рассыпаясь веером невысоких пенистых бурунчиков. Над Фиджи по-прежнему нависали низкие облака, грозя разразиться дождем. Сочный пурпур острова местами озарялся золотистыми пятнами солнечных лучей, то тут, то там пробиравших себе бреши в серых облаках. Миновав торчащие, будто клыки, кораллы, корабль вышел в открытое море.

Аллейн воспользовался этой заминкой и ретировался; поспешно прошагав на корму, он вскарабкался по трапу на шлюпочную палубу. Там не было ни души — пассажиры, еще не успев сменить одежду, в которой высаживались на остров, толпились на главной палубе. Задумчиво набив трубку, Аллейн бросил взгляд в сторону Фиджи. Да, там было приятно. Удивительно мирно и уютно.

— О, черт! — послышалось вдруг сверху. — Проклятие! Вот дьявол!

Аллейн испуганно задрал голову. На одной из покрытых брезентом шлюпок сидела худенькая темноволосая женщина. Аллейну показалось, что она пытается проткнуть какой-то предмет. В следующую секунду женщина встала и выпрямилась. Аллейн увидел, что она одета в чудовищно замызганные фланелевые брючки и короткий рабочий халат мышиного цвета. В руке у нее Аллейн разглядел длинную кисть. Лицо незнакомки украшало здоровенное пятно зеленой краски, а коротко стриженные волосы торчали, словно караульная рота, — похоже, хозяйка в сердцах запустила в них пятерню, безжалостно зачесав непослушные пряди вверх. Женщи-

на перебралась на нос шлюпки, и Аллейну представилась возможность рассмотреть, чем она занималась. Маленький холст был пристроен к крышке настержь распахнутого ящичка для красок. У Аллейна перехватило дыхание. Картина изображала причал в Суве — точно таким, как его запомнил Аллейн. Яркий пейзаж с поразительной, невероятной живостью передавал даже самое дыхание запечатленной сцены. Картина была написана решительными, немного нервными мазками. Голубовато-розовые и ярко-зеленые тона сочетались в ней с удивительно естественной гармонией, как слова тщательно составленной фразы. Несмотря на видимую простоту, Аллейн был потрясен — скорее даже выплеском чувств, чем отражением зрительного восприятия.

Художница, зажав во рту незажженную сигарету, окинула свое творение придирчивым взглядом. Порылась в кармане, выудила носовой платок, служивший тряпочкой для стирания, и снова запустила пятерню в волосы.

— Что за чертовщина! — процедила она и вынула из рта сигарету.

— Спичка нужна? — спросил Аллейн.

Художница вздрогнула, пошатнулась и неловко села.

— И долго вы уже здесь торчите? — нелюбезно спросила она.

— Нет, я только что подошел. Я... вовсе не подглядывал. Могу я поднести вам огоньку?

— О, ну спасибо. Бросьте мне коробок, пожалуйста. — Она закурила, глядя на Аллейна поверх изящных тонких рук, затем снова повернулась к своему пейзажу.

— Изумительная картина, — невольно вырвалось у Аллейна.

Женщина вздернула тонкое плечико, словно голос Аллейна проткнул ей барабанную перепонку, что-то невнятно пробурчала и вернулась к работе. Взяла

палитру и принялась размазывать ножичком тонкий слой краски.

— Надеюсь, вы не собираетесь что-нибудь менять? — не сдержался Аллейн.

Художница обернулась и недоуменно уставилась на него:

— А почему бы и нет?

— Потому что это уже — совершенное творение. Вы... только испортите... О, простите! — спохватился Аллейн. — Жуткая бесцеремонность с моей стороны, я понимаю. Извините, бога ради.

— Да бросьте вы, — нетерпеливо отмахнулась незнакомка и, немного откинув голову, взгляделась в картину.

— Мне просто показалось... — неуклюже проблеял Аллейн.

— А вот мне показалось, — оборвала его художница, — что, вскарабкавшись на этот чертовски неудобный насест, я смогу хоть чуточку поработать без помех.

— Сейчас поработаете, — заверил Аллейн, кланяясь ее гордому профилю. Он попытался вспомнить, случилось ли ему раньше выслушивать подобные выпады от абсолютно незнакомого человека. Пожалуй, случилось, но только от тех, кого он допрашивал по долгу службы как офицер Скотленд-Ярда. Но тогда хозяином положения был он сам, а сейчас ему не оставалось ничего иного, как извиниться и уйти. Уже дойдя до трапа, Аллейн обернулся.

— Если вы хоть что-то измените, даже самую малость, это будет настоящее преступление, — твердо заявил он. — По-моему, это просто шедевр. Даже я это вижу, а я...

— ...ни черта не смыслю в живописи, но знаю, что мне это нравится, — свирепо закончила за него колючая

10 незнакомка.

— Я собирался закончить фразу совсем другой банальностью, — миролюбиво произнес Аллейн.

Впервые за все время художница удостоила его внимательным взглядом. Уголки ее рта неожиданно приподнялись в очаровательной улыбке.

— Хорошо, — вздохнула она. — Не знаю, с чего я на вас набросилась. Настал мой черед принести вам извинения. Я думала, вы обычный зевака-дилетант, который любит раздавать поучительные советы.

— Боже упаси!

— Собственно говоря, я не собираюсь ничего менять, — сказала она внезапно смущенным тоном, словно оправдываясь. — Вся загвоздка вот в этой фигуре на переднем плане — я слишком поздно про нее вспомнила. Я ведь начала работать всего за час до отплытия. Мне казалось, там присутствовали голубовато-серые тона, но я точно не помню — где именно...

Она озабоченно умолкла.

— Конечно, присутствовали! — обрадованно воскликнул Аллейн. — Отражение воды на внутренней поверхности бедер. Неужели не помните?

— Ей-богу! Точно — вы правы! — возбужденно вскричала она. — Сейчас, подождите минутку.

Художница выбрала тонкую кисточку, провела по размазанной краске, на мгновение застыла, словно прицеливаясь, а потом аккуратно черкнула по холсту:

— Вот так?

Аллейн ахнул:

— Идеально. Теперь уже точно — все. Баста. Можете расслабиться.

— Ну хорошо, хорошо. Я и не подозревала, что вы тоже из нашей братии.

— Нет, я вовсе не художник. Все дело в моей несносной самоуверенности.

Она начала складывать кисти.

— Что ж, для непрофессионала вы необычайно наблюдательны. У вас замечательная зрительная память.

— Не совсем, — признался Аллейн. — Она у меня скорее синтетическая.

Художница вскинула брови:

— Вы имеете в виду, что тренировали ее специально?

— Да, в силу необходимости.

— Зачем?

— Хорошая зрительная память — важнейшая составляющая моей профессии. Позвольте, я возьму ваш ящичек.

— О, спасибо. Осторожнее с крышкой — она немного запачкана. Было бы жалко испортить такие шикарные брюки. Подержите этюд?

— Позвольте, я помогу вам спуститься? — предложил Аллейн.

— Благодарю, я справлюсь сама, — отрезала незнакомка, перебрасывая ногу через борт шлюпки.

Аллейн осторожно поставил холст перед собой на поручень и пристально вгляделся в него. Темноволосая женщина, прыгнув на палубу, смотрела на свое творение безразличным взором художника.

Аллейн хлопнул себя по лбу:

— Господи, да вы же, наверное, Агата Трой!

— Да, это я.

— Боже, какой я безнадежный тупица!

— Почему? — изумилась Агата Трой. — Вы мне как раз здорово помогли.

— Спасибо, — сокрушенно покачал головой Аллейн. — Я ведь всего год назад был на вашей персональной выставке в Лондоне.

— В самом деле? — с полным отсутствием какой-либо заинтересованности сказала она.

— И как я сразу не догадался? Мне кажется, этот этюд чем-то напоминает вашу картину «На стадионе». Вы не находите?

— Да, вы правы. — Агата Трой вскинула брови. — У них одинаковая композиция — расходящиеся лучом линии — и схожая цветовая гамма. И одно настроение. Ладно, пойду в каюту переоденусь.

— Вы сели на пароход в Суве?

— Да. Когда я посмотрела на причал с главной палубы, зрелище настолько меня захватило, что я сразу схватила кисти с красками и примчалась сюда.

Она подняла ящичек за ремни, перебросила его через плечо и подхватила этюд.

Аллеину вдруг остро захотелось проводить ее.

— Позвольте... — вырвалось у него.

— Нет, спасибо, — сухо покачала головой Агата Трой.

С минуту она постояла, глядя на берега Фиджи. Легкий бриз трепал ее коротко стриженные темные волосы. Аллейн залюбовался изящным профилем художницы. Ему нравилось в ней абсолютно все: ямочки на щеках, тонкие, красиво изогнутые брови, темно-синие глаза. Солнечные лучи золотили оливковую кожу ее лица, а забавная зеленая клякса на щеке придавала ему какую-то особую теплую прелесть. Во всем облике Агаты Трой сквозило внутреннее благородство. Внезапно, прежде чем Аллейн успел отвести взгляд в сторону, она обернулась, и их взгляды встретились.

Аллеин словно прирос к палубе. Глядя на ее лицо, медленно розовевшее под его пристальным взором, он вдруг почувствовал, что знает эту женщину давным-давно. Ему казалось, он наперед знает все ее мысли, движения и поступки, слышит интонации ее чистого и строгого голоса. Словно он давно мечтал и думал о ней, **13**

а встретил только теперь. Внезапно Аллейн спохватился, что стоит, превратившись в статую. Прелестное лицо Агаты Трой стало пунцовым до корней волос, и она отвернулась.

— Простите, — стараясь сохранить ровный тон, проговорил Аллейн. — Я загляделся на зеленое пятно у вас на щеке.

Она поспешно провела рукавом по щеке.

— Я пошла вниз, — сказала она.

Аллейн посторонился, пропуская ее, и снова поразился удивительному ощущению давнего знакомства с этой женщиной. Он по привычке отметил, что от нее пахнет терпентином и краской.

— Ну... до свидания, — неуверенно произнесла Агата Трой.

Аллейн усмехнулся:

— До свидания, мадам.

Художница принялась осторожно спускаться по трапу, приподняв непросохший этюд над поручнем. Аллейн отвернулся и закурил сигарету. Внезапно с нижней палубы послышались топот ног и громкие возбужденные голоса. Почти одновременно в ноздри Аллейну ударил аромат красного жасмина. Потом раздался воркующий голос ко-рабельной красотки:

— Ох, пардон. Спускайтесь, прошу вас. Сюда, парни, к трапу! Ой, это вы нарисовали? Мозно поглядеть? Я просто балдею от зывописи. Ах, шарман — полюбуйте-тесь, ребята! Ой, это ведь наш причал! Какая досада, что вы не успели закончить — вот было бы здорово! Смотрите, парни, — узнаете наш причал? Мозет, фотография у кого-нибудь есть? Вообще с художником на борту надо дерзать ухо остро. Давайте познакомимся, что ли? Это — моя шайка. А меня зовут Вирджиния Ван Маес.

— Агата Трой, — донесся голос, который Аллейн с трудом узнал.

— Вот, мисс Трой, я как раз собиралась вам рассказать, как Кейли Берт написал мой портрет в Ну-Йорке. Вы знаете Кейли Берта? По-моему, это лучший портретист во всей Америке. Он вечно торчит в Ну-Йорке. Так вот, он просто умирал, так ему хотелось написать мой портрет...

Рассказ затянулся. Агата Трой не раскрывала рта.

— Наконец он закончил — кстати, платье, в котором я ему позировала, надоело мне до смерти, — и портрет удался на славу. Мой папочка купил его и повесил в гостиной нашего дома в Гонолулу. Некоторые, правда, говорят, что я там совсем на себя не похожа, но мне он нравится! Я, конечно, ни черта не смыслю в искусстве, но точно знаю, что мне нравится, а что — нет.

— Это правильно, — послышался голос Агаты Трой. — Послушайте, я бы хотела спуститься к себе. Я еще не распаковала свои вещи. Прошу меня простить...

— О, разумеется. Но мы еще увидимся. Кстати, вы не видели тут поблизости нашего душку Аллейна?

— Боюсь, что не знаю, кто...

— Высокий и тощий, как козлик, но очень милый. Англичанин вроде бы. Ой, я просто тащусь от него. Я тут поспорила с моими ребятами, что не только затащу его на вечеринку с поцелуями, но и непременно заставлю водить.

— А я уже заранее распрощался со своими денежками, — приснул один из юнцов.

— Не слушайте их, мисс Трой. Но куда запропастился мой англичанчик? Я ведь только что его здесь видела.

— Он, наверное, поднялся на шлюпочную палубу, — предположил кто-то.